

«Детское чтение для сердца и разума»
Н. М. Карамзин

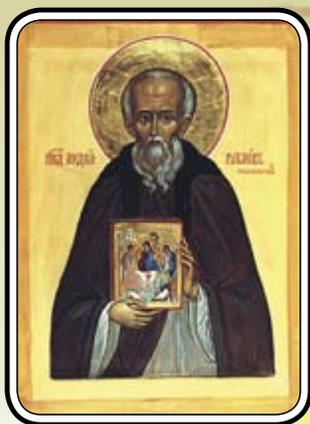


РОМАН-ГАЗЕТА

11

2014 (185)

6+



РУССКИЙ МУЗЕУМ:
Андрей Рублёв



**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Червячок



УГОЛОК РОССИИ:
Большой Муксалма

Корней Чуковский
Серебряный герб



ISSN 1684-0895



9 771684 089001 >



Художник О. Ионайтис

Фёдор Тютчев

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою,
Как бы дремотою, объят.

И белокрылые виденья
На тусклом озера стекле
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —

И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...



Н. Гончарова

Цветы
1906 г.

В номере:

3

Корней Чуковский
Серебряный герб

16

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин
Андрей Рублёв

21

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов
Большой Муксалма

25

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Павел Гусев
**Гнёздышко.
Червячок**

27

РАССКАЗЫ

Наталья Бондаренко
Муравьишка

30

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Пётр Глядкин
Достижения цивилизации

32

УМЕЛЫЕ РУКИ

Лара Хаметова
Секретик

33

РАССКАЗЫ

Владимир Волков
**Камень.
По примеру деда**

35

НАМ ПИШУТ

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА



Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Зав. производством
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Корректор
Людмила Овчинникова

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Юриисконсульт
Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ

для внеклассного чтения
Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО «Первая Образцовая
типография»
Филиал «Чеховский
Печатный Двор»
(142300, Московской обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1)
Факс: 8 (496) 726-54-10,
Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела
продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru
e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 5446

© «Роман-газета», 2014 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

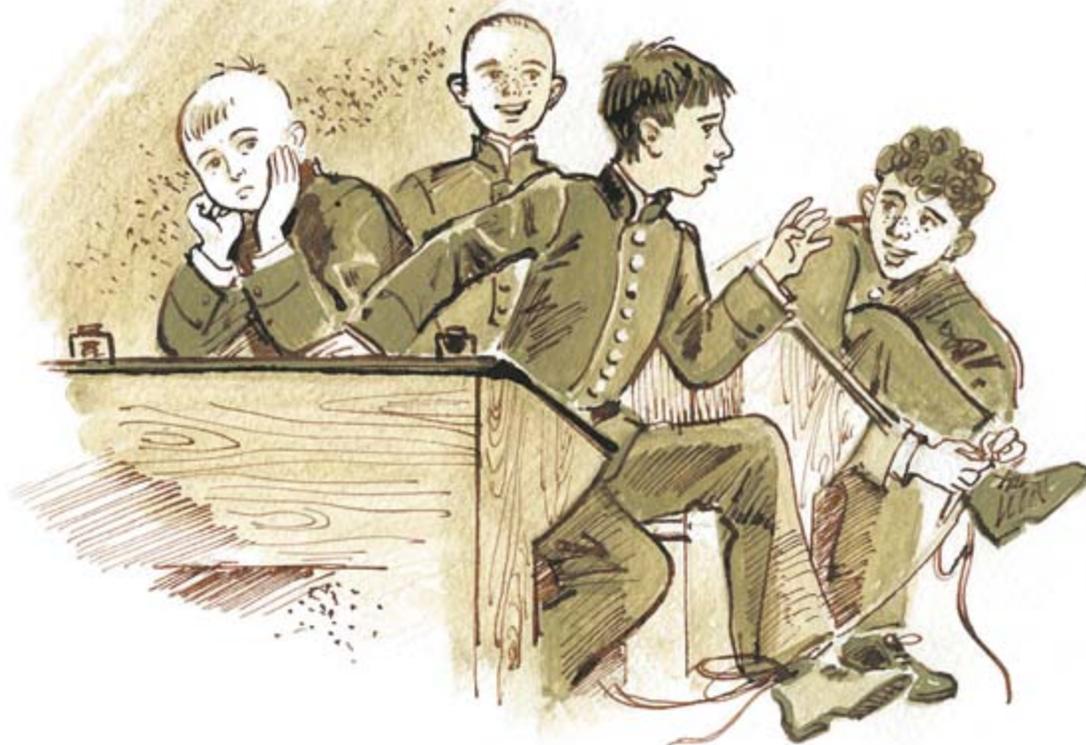
Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Корней Чуковский

Серебряный герб

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Художник Н. Агафонова



ТЕЛЕФОН

Зуев высыпал из ранца полдюжины мелких иконок — медных, жестяных, деревянных, бумажных, — разложил их перед собою на парте и стал деловито целовать их подряд, боясь пропустить хоть одну: как бы она не обиделась и не сделала ему какой-нибудь гадости.

Зуев молился даром: через три или четыре минуты в нашем классе начнётся диктовка, страшная диктовка, которую мы ждали одиннадцать дней. Одиннадцать дней назад к нам, стуча высокими каблучками, вошёл наш директор Бургмейстер (Шестиглазый, как звали мы его) и, словно читая стихи, сообщил нам своим певучим, торжественным голосом, что господин попечитель учебного округа его сиятельство граф Николай Фердинандович фон Люстих на днях осчастливит наш класс посещением и, быть может, пожелает присутствовать на русском уроке во время диктовки.

Теперь этот день наступил.

Мне особенно жалко Тимошу Макарова, моего лучшего друга, сидящего сзади, наискосок от меня. У него недавно был тиф, и он сильно отстал от класса. Его лопухое, рыжее от веснушек лицо выражает смертельный испуг.

— Тимоша... Погоди... я придумал!

В одну секунду я вытаскиваю у себя из-за пазухи верёвочный хвост от бумажного змея, привязываю к своему башмаку, а другой конец сую Тимоше:

— Привяжи к ноге... Да покрепче!

И, покуда он возится с узлами хвоста, говорю:

— Дёрну раз — запятая. Два — восклицательный. Три — вопросительный. Четыре — двоеточие. Понял?

Тимоша весело кивает головой и пыжится сказать мне какое-то слово. Но он заика, и изо рта у него вылетают только две-три буквы и брызги слюны.

Рядом с ним сидит Муня Блохин, маленький, кудрявый и быстрый. Он тотчас ныряет под парту: расширить телефонную сеть.

Не может же он допустить, чтобы таким замечательным изобретением пользовался всего один человек! Нет, за спиной у Тимоши сидит второгодник Бугай. Нужно провести телефон и к нему.

Блохин достаёт из кармана бечёвку и протягивает её от Тимоши к Бугаю. Тот быстро прикрепляет её к своей правой ноге.

Рядом с Бугаем — Козельский, последний ученик в нашем классе, Зюзя Козельский, плакса, попрошайка и трус.

Нужно провести телефон и к нему, не то он заскулит и захнычет и выдаст нас всех с головой.

За Зюзей Козельским, на «Камчатке», у самой стены сидят знаменитые на всю гимназию губошлёпы и лодыри, пучеглазые братья Бабенчиковы. У них кулаки как гири, нужно протянуть телефонные нити и к ним.

— Не забудьте же, — повторяет Блохин. — Раз — запятая, два — восклицательный, три — вопросительный, четыре — двоеточие. Поняли?

А Зуев хоть и крестится, хоть и бормочет молитвы, но краем глаза всё время поглядывает на меня и на Муню. И вдруг сгребает, как лопатой, всех своих святителей в ранец, срывает у себя с шеи шнурок и, опустившись на колени под партией, хозяйственно привязывает его к моему башмаку.

В нашем классе я считался чемпионом диктовки. Не знаю отчего, но чуть не с семилетнего возраста я писал без единой ошибки самые дремучие фразы. В запятых не ошибался никогда.

По другим предметам я бывал зачастую слаб, но по русскому языку у меня была сплошная пятёрка, хотя и случалось, что тут же, по соседству с пятёркой, мне ставили в тетрадку единицу — за кляксы. Писать без клякс я тогда не умел, и все мои пальцы после каждой диктовки обычно были измазаны чернилами так, словно я нарочно совал их в чернильницу.

Но вот распахнулась дверь. В класс вошел не Бургмейстер, не сиятельный Люстих, которым нас пугали одиннадцать дней, а какой-то дубоватый незнакомец с неподвижным, топорным лицом. И немедленно начал диктовать нам диктовку.

Пришлось поработать моей правой ногой! Всё время, пока длилась диктовка, я дёргал, и дёргал, и дёргал ногою так, что у меня даже в глазах потемнело.

Диктовка была такая (я запомнил её от слова до слова):

«В тот день (дёрг!), когда доблестный Игорь (дерг!), ведущий войска из лесов и болот (дёрг!), увидел (дёрг!), что в поло (дёрг!), где стояли враги (дёрг!), поднялось зловещее облако пыли (дёрг!), он сказал (дёрг! дёрг! дёрг! дёрг!): «Как сладко умереть за отчизну!» (дёрг! дёрг!)

Наши парты дрожали, как в судороге. Я без усталости передавал свои сигналы Зуеву, и Тимоше, и Муне. Тимоша передавал их Бугаю, Муня — Козельскому и братьям Бабенчиковым.

По окончании диктовки дубоватый незнакомец с неподвижным, топорным лицом взял наши тетради и унёс неизвестно куда. Это был, как потом оказалось, важный чиновник из канцелярии попечителя Люстиха.

И благодарил же меня вся спасённая мною шестёрка! Зюзя Козельский обещал мне одного из своих голубей, братья Бабенчиковы — полную фуражку

изюму, так как у их отца на Екатерининской улице была лучшая в городе лавка, где продавались финики, фиги, кокосовые орехи, халва.

Через неделю в класс деревянной походкой снова вошёл незнакомец в сопровождении нашего наставника Флерова и заявил, что, по приказу господина попечителя учебного округа его сиятельства графа фон Люстиха комиссия по проверке успехов учащихся рассмотрела тетради с написанной нами диктовкой и отметила одну странную вещь...

Незнакомец порылся в тетрадях:

— Вот хотя бы Зуев Григорий и Козельский Иосиф... Нельзя ли пригласить их к доске?

Зуев и Козельский с удовольствием подбежали к доске и скромно приосанились, ожидая похвал.

Незнакомец глянул на них и вдруг, к удивлению класса, улыбнулся совсем как живой человек. И, повернувшись к доске, написал на ней мелом такое:

«В тот день когда: доблестный Игорь ведущий? войска из лесов и болот увидел что в поле где? стояли, враги поднялось!? злое облако пыли?»

— Вот как написал свою диктовку ученик третьего класса Козельский Иосиф. За такую диктовку единица, конечно, слишком большая отметка. Мы ставим Козельскому нуль, равно как и Григорию Зуеву.

Все захохотали, кто-то свистнул. Незнакомец постучал деревянным своим пальцем по кафедре и проговорил уже без всякой улыбки:

— Но есть среди вас такие, что даже нуля недостойны. Это Максим и Александр Бабенчиковы... Бабенчиков Александр написал свою диктовку так:

«В тот день когда доблестный Игорь ведущий войска из лесов и болот увидел что в поле где стояли враги поднялось злое облако пыли он сказал как сладко умереть за отчизну».

Беда произошла оттого, что почерк был у меня очень медленный, детский, а у товарищей — быстрый. Да и проклятые кляксы сильно тормозили меня. Когда я с трудом выводил третье или четвёртое слово, мои товарищи уже писали седьмое, девятое. Слепо понадеявшись на мой телефон, товарищи, сидевшие далеко позади, уже не шевелили мозгами и по сигналу готовы были ставить запятые внутри каждого слова, даже разрезая его пополам, чего сроду не делал самый отпетый дурак с тех пор, как на свете существует диктовка.

После этого дня я долго не мог ни кашлянуть, ни засмеяться, ни вздохнуть, ни чихнуть — так болели у меня рёбра от той благодарности, которую выразили мне мои сверстники, главным образом братья Бабенчиковы. Напрасно я доказывал им, что ни одно великое изобретение не бывает на первых порах совершенным: они были глухи к моим слезам и протестам.

Вернулся я в гимназию лишь на четвёртые сутки.

Молва о телефоне гудела и в коридоре и в классах.





Я СТАНОВЛЮСЬ ХУДОЖНИКОМ

Как-то является к нам Циндилиндер и, отведя меня в угол, спрашивает заговорщическим шепотом:

— Хочешь заработать деньгу? — и лукаво подмигивает, и делает такое движение пальцами правой руки, словно перебирает золотые монеты.

Я испуганно гляжу на него. Уж не втягивает ли он меня в какое-нибудь тёмное дело? Зачем эти подмигивания, эти странные жесты, этот таинственный шёпот?

Но нет, ничего зазорного он не собирается мне предложить. Предлагает он, в сущности, хорошую вещь: живописных дел мастеру маляру Анаховичу временно нужен подручный — так вот, не хочу ли я взяться за эту работу по двугривенному в день, на хозяйских харчах.

Трудно даже представить себе, с каким упоением бегу я в тот же вечер к Анаховичу! Его фамилию я знаю отлично, так как он не только маляр, но и создатель многочисленных вывесок для табачных магазинов, парикмахерских, трактиров, прачечных заведений и прочее. Каждая его вывеска — величиною с хорошую дверь, и на каждой (в правом углу внизу) он всегда выводит крупными печатными буквами: «Художник Л.Анахович».

Для табачных магазинов он рисует дородного турка в роскошной малиновой феске. Турок сидит по-турецки на турецком диване и с наслаждением курит турецкий табак из длиннейшего турецкого кальяна, откуда элегантною спиралью вьётся тоненький турецкий дымок.

А какими франтами оказываются на вывесках у него парикмахеры! Молодые, с прелестными усиками, они всегда держат за ушами гребёнку и в изящной позе склоняются над своими клиентами, любовно лелея их волосы большими серебристыми ножницами.

Вообще вывески Анаховича и других таких же мастеров-живописцев — единственная картинная галерея, доступная жителям нашего города. И ещё недавно, когда другой живописец, конкурент Анаховича, Бендель, изготовил для «Северной гостиницы» вывеску, на которой четыре джентльмена с тончайшими талиями играют на изумрудном бильярде, жители сбегались отовсюду поглядеть на это новое произведение искусства, и никого не смущало, что все джентльмены были как две капли воды похожи один на другого и что руки, державшие кий, были у них выворочены в локтях, как на дыбе.

Поэтому нет ничего удивительного, что, выслушав предложение Циндилиндера, я пришел в бурный восторг: я был уверен, что, стоит Анаховичу увидеть меня, он даст мне все свои кисти и краски и я сейчас же начну малевать таких же великолепных турок в малиновых фесках и таких же близнецов-джентльменов, цепенеющих над изумрудным бильярдом.

Но Анахович (маленький человечек с кислыми, равнодушными глазками) смотрит на меня апатично и говорит таким голосом, словно ничего хорошего не ждёт от меня:

— Вот там в углу стоит шпатель. И чтоб завтра с утра вы уже были на крыше...

И называет адрес: Садовая, восемь.

Что за шпатель? Какая крыша?

Оказалось, шпателем называется длинная палка с острым скребком на конце. Перед тем как окрасить крышу, с неё чисто-начисто соскребаются шпателем и ржавчина, и прошлогодняя краска.

— А кисти?

— А кисти, молодой человек, через год, через два...

С этой минуты я делаюсь шпательщиком.

Шпательщик — это вовсе не то, что шпаклевщик. Он исполняет самую простую работу, для которой не требуется особых умений. Взберешься с самого утра по дробинке [Дробина — приставная лесенка] на заржавленную, закопчённую, заскорузлую крышу, на которой кое-где сохраняются побуревшие островки старой краски, снимешь куртку, рубаху, ботинки, обмотаешь ноги тряпьем и начнёшь при помощи шпателя превращать всю эту запачканную, безобразно корявую площадь в чистую, без единой пылинки, после чего сюда могут прийти маляры, хорошо зашпаклевать эту крышу и сделать её пунцовой, зелёной или даже огненно-жёлтой, так что дом помолодеет надолго и станет украшением всей улицы.

Шпаклевать я тоже умею недурно: затирать и замазывать особою смесью все царапины, щели и выбоины, чтобы крыша стала ровной, как зеркало, — этому искусству я научился на взморье, когда мне случилось помогать рыбаку Симмелиди красить его челноки и шаланды. Но Анахович не доверяет мне этой работы, и я вполне доволен своим шпателем.

С утра прохладно, веет морской ветерок, работается легко и приятно, но часам к двенадцати весеннее южное солнце сильно накаляет мою крышу, и я сажусь у трубы отдохнуть.

Почти всегда в это время по дробинке на крышу взбирается сын Анаховича, Борис Леопольдович, надсмотрщик над всеми работами, на которые его отец взял подряд. Он очень похож на отца: такого же маленького роста, апатичный и вялый. Постояв у трубы минут пять неизвестно зачем, он достаёт из принесённой им с собою корзины пучок чеснока или луку, краюху хлеба и бутылку кисловатого кваса. Это называется у Анаховича «на хозяйских харчах». Рыбаки научили меня, как нужно пить из бутылки: не прикасаясь к горлышку верхней губой.

Около получаса я сижу у трубы и блаженствую. Потом принимаюсь за свой шпатель опять, а потом беру принесённую с собою метлу и сметаю в одну кучу всю дрянь, которую удаётся мне соскрести с моей крыши. И радуюсь, когда этой дряни оказывается особенно много: значит, я поработал не даром!

Да, в моей работе есть немало такого, что по-настоящему нравится мне: из недели в неделю проводить свои дни под открытым небом, на такой высоте; сверху глядеть на тот мир, где копошатся тюнтинны, барбосы и прошки; видеть добрый результат своих трудов; знать, что в субботу принесёшь домой заработанный рубль, — всё это вызывает во мне живейшую радость.

Но вначале, на первых порах, когда я, весь измаранный, после работы шагал по тем самым улицам, которые ещё так недавно видели меня гимназистом с серебряным гербом на фуражке, я испытывал непреодолимый конфуз. Чтобы не показать никому, что я чувствую себя отщепенцем, я нарочно напускал на себя гордое презрение к насмешливым взорам, которые бросали на меня окружающие. Это была пустая бравада, потому что в душе я испытывал боль.

Но мало-помалу я свыкся со своим положением. Теперь я совершенно равнодушен к тому, что стоящая на балконе мадам Шершеневич, завидев меня, отворачивается, будто нюхает цветы или гладит болонку, и уже не кричит мне, как прежде:

«Здравствуйте! Что вы так согнулись? Вам же не семьдесят лет!»

Впрочем, стоит мне взглянуть как-нибудь ненароком на маму, когда она стирает или шьёт, и меня с новой силой охватывает горькое чувство: мне становится жалко и её и себя. Мама по-прежнему не говорит мне ни слова о постигшей меня катастрофе и даже как будто довольна, что я сразу же взялся за работу. Но она так осунулась и похудела, что мне страшно хочется утешить её. И мне приходит в голову один восхитительный план, который я и сообщаю ей — тайком от Маруси — как величайшее моё изобретение. План очень простой и естественный, но выполнить его не так-то легко.

— Мамочка, я сделаю всё... вот увидишь!

Мама недоверчиво глядит на меня, и тут происходит событие, какого я никогда не забуду: вдруг она притягивает к себе мою голову и крепко целует меня в щёки, в шею, в подбородок, в глаза.

В нашей семье этого обычая не было. Сколько я помню себя, мама никогда не целовала ни меня, ни Марусю. С нами она была неизменно добра, но сурова. Может быть, поэтому её внезапная ласка так потрясает меня. Я вскакиваю и говорю убеждённо:

— Завтра же начну... вот увидишь!

Издали доносятся тоскливые звуки: заиграл на трубе Симоненко. Но теперь в этих звуках мне слышится что-то весёлое: какое-то обещание, какой-то призыв.





Я ПРОДОЛЖАЮ УЧИТЬСЯ

С некоторого времени у меня появилось новое и очень важное занятие, которое сделало мою жизнь гораздо интереснее, чем прежде.

Взобравшись с утра на крышу, я раньше всего доставал кусок мела и писал на ней крупными иностранными буквами:

I look. My book. I look at my book.¹
Ай лук. Май бук. Ай лук эт май бук.

И так далее — строчек тридцать или сорок подряд. А потом долго шагал над этими тарабарскими строчками, пытаюсь затвердить их наизусть. Так перед началом работы изучал я английский язык. Специально для этого я купил за четвертак на толкучке «Самоучитель английского языка», составленный профессором Мейендорфом, — пухлую растрёпанную книгу, из которой (как потом оказалось) было вырвано около десятка страниц.

Этот Мейендорф был, очевидно, большим чудаком. Потому что он то и дело обращался к читателям с такими несуразными вопросами:

«Любит ли двухлетний сын садовника внучку своей маленькой дочери?»

«Есть ли у вас одноглазая тётка, которая покупает у пекаря канареек и буйволов?»

И всё же я готов был исписывать каждую крышу, на которой мне приходилось работать, ответами на эти дикие вопросы профессора, так как в своём предисловии к книге он уверял самым категорическим образом, что всякий, кто с надлежащим вниманием отнесётся к его канарейкам и тёткам, в совершен-

¹ Я гляжу. Моя книга. Я гляжу на мою книгу (англ.).

стве овладеет английской речью и будет изъясняться на языке Джорджа Байрона, как уроженец Ливерпуля или Дувра.

Я всем сердцем поверил ему и по его указке ежедневно писал на железных страницах такую несусветную чушь:

«Видит ли этот слепой незнакомец синее дерево глухонемого певца, на котором сидит, улыбаясь, голубая корова?»

И, хотя было невозможно понять, сидит ли эта странная корова на ветках этого синего дерева или она взгромоздилась на слабые плечи певца, всё же при помощи такого сумбура в моё сознание прочно внедрились самые первоосновы английской грамматики.

Словно о высшем блаженстве, мечтал я о том сладостном времени, когда и Шекспир, и Вальтер Скотт, и мой обожаемый Диккенс будут мне доступны, как, скажем, Толстой или Гоголь. Никогда не забуду того сумасшедшего счастья, когда, раздобыв у Людвиг Мейера (он же Спиноза) книжку гениального американского писателя Эдгара По, я нашёл там стихотворение «Аннабель Ли» и обнаружил, что понимаю в нём чуть не каждое слово. Я сразу же решил, что Аннабель Ли — это Рита Вадзинская, и громко декламировал его во время работы, даже не подозревая о том, что если бы мою декламацию чудом услышал какой-нибудь настоящий британец, он ни за что не догадался бы, что слышит английскую речь. Ибо профессор Мейендорф не научил меня (да и не мог научить), как произносятся английские слова, и я коверкал их наивнейшим образом.

Занимался я в ту пору не только английским.

Раздобыв на толкучке кое-какие учебники и программу шестого класса, я стал по вечерам заниматься алгеброй, латынью, историей, и, странное дело, оказалось, что гимназический курс удивительно лёгкий, когда изучаешь его без учителей и наставников, не в стенах гимназии, а в «Вигваме».

Нередко приходил ко мне Тимоша, и мы занимались вдвоём.

Мои занятия обрадовали маму, как великий сюрприз. Целый месяц (после того как исключили меня из гимназии) она была уверена, что с моим образованием покончено и что в лучшем случае мне суждено сделаться жалким приказчиком в какой-нибудь жалкой лавчонке. И вот она мало-помалу увидела, что заветнейшая мечта её жизни, мечта, которую она считала разрушенной, осуществляется, несмотря ни на что.

Словно к дивной музыке, прислушивалась она к нашим занятиям с Тимошей. Количество синих баклажан, вареников с вишнями, дынь и «монастырских» арбузов, которыми она угощала Тимошу, не поддаётся никакому подсчёту. Снова она стала вполголоса петь свои чудесные песни, склоняясь над лоханью или поливая цветы, снова стала смеяться до слёз над «Мёртвыми душами» и «Паном Халявским». Видя, что на сердце у неё посветлело, я ещё пуще старался вникать в «Физику» Краевича и «Латинскую грамматику» Кюнера.

Даже Симоненко стал относиться ко мне благосклоннее.

Как-то в воскресенье я увидел, что он красит ограду своего палисадника в малиновый цвет. Я сбегал домой за кистями и помог ему в этой весёлой работе. Очень скоро весь его забор стал малиновый. В порыве благодарности добродушный усач стал совать мне в руку серебряный рубль. Я не взял. Тогда он окончательно растрогался и спросил у меня, не хочется ли мне поступить в полицейский участок помощником писаря.

— Место хорошее, сытное.

Писаря, служившие в полиции, были сплошное жульё и, так как драли с просителей за всякую малость, в самом деле не знали нужды: катались на извозчиках, носили шикарные галстуки, курили сигары и пьянствовали.

У него у самого, у Симоненко, была прибыльная и очень лёгкая служба. Каждое утро он напяливал на себя полицейский засаленный китель и шёл на базарную площадь проверять, не обманывают ли торговцы своих покупате-

лей, не всучивают ли им несвежие овощи и тухлую рыбу? Правильные ли у торговцев весы? Не нужно ли составить протокол о мяснике Лукине, продающем червивое мясо, или о кваснике Чумакове, торгующем беспатентным вином?

Казалось бы, торговцы должны были бояться его и трепетать при его появлении. На самом же деле они приветствовали его как своего лучшего друга.

С таким светлым лицом проходил он мимо их ларьков и товаров, словно лишь затем и явился сюда, чтобы поздравить их с хорошей погодой.

С удовольствием накладывали они в большую корзину, которую несла за ним его дюжая работница Маня, и рыбу, и сало, и кульки со всевозможной крупой, и маслины, и ветчину, и орехи, и самые отборные фрукты и не требовали с неё ни копейки.

И всё это оттого, что по своей «доброте» Симоненко охотно предоставлял им возможность спускать покупателям всякую заваль и гниль. Никогда не проверял их фальшивых весов и не штрафовал за «антисанитарное состояние» их лавок.

Это делалось явно, у всех на глазах. И всё же... Как ни напрягаю я память, я не могу вспомнить ни единого случая, чтобы кто-нибудь назвал Симоненко бесчестным хапугой и взяточником. Напротив, все в один голос говорили о нём, что он неплохой человек, и все (кроме Маруси и мамы) относились к нему с уважением, завидовали ему и хвалили его. Если кому из соседок были нужны на короткое время утюги, или ступка, или сито, или кофейная мельница, они шли к Симоненко, и он никогда не отказывал им.

Любил подавать милостыню монахам и нищим.

Целовал ручки у мадам Шершеневич.

Усердно молился по праздникам в «Касперовской» церкви сестер милосердия (у нас за углом на Старопортофранковской улице).

И я хорошо помню ту круглую большую мармеладку, которую он подарил мне однажды, когда мне было лет шесть или семь. Я стоял во дворе и ревел, меня обидели какие-то мальчишки, а он вышел из своего палисадника, взял меня на руки и сунул мне в рот мармеладку. Она пахла табаком и селёдкой, но мгновенно осушила мои слёзы.

Полицейские в нашем городе были такие живодёры, драчуны, грубияны, что добродушный «хабарник» Семён Симоненко казался среди них чуть не праведником.





«АНТИПАТ»

Между тем дела мои становились всё хуже.

Работы у Анаховича становилось всё меньше. Малярный сезон кончился.

Тот же Анахович устроил меня в артель по расклейке афиш. В артели работали десятки быстроногих мальчишек, причём каждого посылали в определенный район. Мне досталась дальняя окраина. Я стал бегать по переулкам и улицам с ведром клейстера и малярной кистью, изнемогая под тяжестью разноцветных афиш, которые надлежало возможно скорее расклеить на стенах, на заборах и на специальных деревянных колонках, торчавших чуть ли не на каждом углу.

Афиши были такие:

**ПРИЕХАЛ ЗНАМЕНИТЫЙ ЗВЕРИНЕЦ ЗЕВЕКЕ!
УХ, КАК ХОРОШО В БАССЕЙНЕ ИСАКОВИЧА!
КАПИТАН ДЕ ВЕТРИО!!!
ЧЕЛОВЕК СО СТАЛЬНЫМ ЖЕЛУДКОМ!
ГЛОТАЕТ РАЗБИТЫЕ БУТЫЛКИ И РЮМКИ!!!
А ТАКЖЕ ЛЯГУШЕК И ЗМЕЙ!!!
ЧРЕВОВЕЩАТЕЛЬ
ПАНТЕЛЕЙМОН ВАНЮХИН
СО СВОИМИ ГОВОРЯЩИМИ КУКЛАМИ.
УТОЧКИН! УТОЧКИН! УТОЧКИН!!!**

Эта работа оказалась мне не под силу. Её сподручнее делать вдвоём — одному и неудобно и тяжело.

Через неделю я бросил её и по рекомендации усача Симоненко стал давать уроки пожилому военному писарю, которому нужно было усвоить программу

четвёртого класса гимназии, чтобы получить повышение по службе. Писарь был робкий, обходительный, скромный, но оказался большим скупердяем: так и не доплатил мне двух с половиной рублей. У него была странная фамилия: Головатюк. Попалась мне и другая работа: каждый вечер от семи до одиннадцати читать одной престарелой полковнице Евдокии Георгиевне длинные романы из журналов «Родина» и «Нива», причём после первой же страницы Евдокия Георгиевна засыпала и мирно храпела всё время, покуда продолжалось мое чтение. Когда же оно подходило к концу, старуха встряхивалась и, делая вид, что не спала ни секунды, горячо восхваляла прочитанное. И платила мне серебряный полтинник.

Эту работу подыскала мне Лека Курындина через одну из своих школьных подруг. По-прежнему Лека относилась ко мне с материнской заботливостью: раздобыла для меня с полдесятка учебников, которые были нужны мне, как хлеб, а на Пасху подарила мне английский словарь. А сколько холодных котлет приносила она мне в библиотеку-читальню, куда я забегал по воскресеньям после занятий с Тимошей и Муней!

— Опять почему-то мне дали котлеты. Я терпеть не могу котлет, — говорила она, морща нос и делая смешную гримасу. — Скушай, пожалуйста, а то придётся выбросить!

Котлеты были жёсткие, сухие, с примесью едкого перца, но я съедал их с большим удовольствием — нужно же было выручить бедную Леку, и, кроме того, аппетит у меня в ту пору дошёл до обжорства, должно быть потому, что в последние месяцы я рос с необычайной быстротой. Гимназическая моя куртка (из материи «маренго») стала как-то сразу тесна и узка. К счастью, в конце лета я мог наконец сбросить с себя эту куртку и купить в магазине Ландесмана отличный шевитовый костюм на скопленные пятнадцать рублей.

Я забыл сказать, что ещё в те времена, когда я работал на крыше, я как-то, возвращаясь домой, увидел издали Риту Вадзинскую.

Сразу меня как кипятком окатил тот восторг, который всякий раз налетал на меня, когда она возникала предо мною на улице:

*Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Теперь она стояла с подругой у кадки мороженщика. Тот только что снял с головы эту тяжёлую кадку, обмотанную белым грязноватым холстом, и стал добывать из её глубины холодные золотистые шарики «сливочного». Проходя мимо Риты, я от прилива любви и застенчивости сгорбился ещё сильнее, чем всегда. И вдруг случилась страшная вещь: не прошёл я и двух шагов, как Рита громко засмеялась и сказала мне вслед:

— Боже, какой антипат!

А её подруга проговорила насмешливо:

— Был гимназистом, а стал трубочистом!

Эти слова ошеломили меня. Я не поверил ушам. Я готов был заплакать от горя. И не только потому, что Рита оскорбила меня, а и потому главным образом, что она оказалась такая пошлая, дрянная девчонка!

«Антипат»! Существует ли на свете более безобразное, более вульгарное слово! И эту-то кривляку я принял за Аннабель Ли! Ей я посвятил мою «Гимназиаду»!

*Зачем не мог я прежде видеть?
Её не стоило любить,
Её не стоит ненавидеть,
О ней не стоит говорить!*

Впрочем, не успел я повернуть на свою улицу, как моё горе уже совершенно рассеялось и сменилось необузданной радостью.

Словно я освободился от каких-то сетей, опутывавших меня по рукам и ногам. Особенно же я был рад потому, что теперь наконец-то мне открылась возможность влюбиться в милую Леку Курындицу, которая, я уверен, никогда, ни при каких обстоятельствах не могла ввести в свою речь такое мерзкое слово, как «антипат»!

В звуках трубы усача Симоненко мне в этот вечер слышалось столько праздничного веселья и радости, что я чуть не затанцевал на железном листе, прикрывающем нашу помойку.



ЧУКОВСКИЙ Корней Иванович

(настоящее имя и фамилия Николай Васильевич Корнейчук). Родился 19 (31) марта 1882 года в Санкт-Петербурге. Писатель долгие годы страдал от того, что был «незаконнорожденным». Отцом был Эммануил Соломонович Левенсон, в семье которого жила прислужкой мать Корнея Чуковского. Отец оставил их, и его мать — полтавская крестьянка Екатерина Осиповна Корнейчукова — переехала в Одессу. Там он был отдан в гимназию, но в пятом классе его отчислили из-за низкого происхождения. Об этом он рассказывает в автобиографической повести «Серебряный герб», отрывки из которой вы только что прочитали. Занимался самообразованием, изучил английский язык. С 1901 года Чуковский начинает писать статьи в «Одесских новостях». Затем в 1903 году он был отправлен корреспондентом в Лондон. Вернувшись в Россию во время революции 1905 года, Чуковский был захвачен революционными собы-

тиями, посетил броненосец «Потёмкин», сотрудничал в журнале В. Я. Брюсова «Весы», затем начал издавать в Петербурге сатирический журнал «Сигнал». Среди авторов журнала были такие известные писатели, как Куприн, Фёдор Сологуб и Тэффи.

В 1906 году Корней Иванович приезжает в финское местечко Куоккала, где сводит близкое знакомство с художником Репиным и писателем Короленко.

Его знаменитые сказки «Мойдодыр» и «Тараканище» (1923), «Муха-Цокотуха» (1924), «Бармалей» (1925), «Телефон» (1926) — непревзойдённые шедевры литературы «для маленьких». Свои наблюдения за детьми, за их словесным творчеством Чуковский отразил в книге «Маленькие дети» (1928), получившую затем название «От двух до пяти» (1933).

Чуковский много занимается переводами и начинает писать мемуары, над которыми работает до конца жизни. Чуковский открыл для русского читателя У. Уитмена (которому он также

посвятил исследование «Мой Уитмен»), Р. Киплинга, О. Уайльда. Переводил М. Твена, Г. Честертона, О. Генри, А. К. Дойла, У. Шекспира, написал для детей пересказы произведений Д. Дефо, Р. Э. Распэ, Дж. Гринвуда.

В 1957 году Чуковскому была присвоена учёная степень доктора филологических наук, в 1962-м — почетное звание доктора литературы Оксфордского университета. Как лингвист Чуковский написал «Живой как жизнь» (1962). Как переводчик Чуковский занимается теорией перевода — «Высокое искусство» (1968).

В 1960-х годах К. Чуковский начал большую работу — пересказ Библии для детей. Книга под названием «Вавилонская башня и другие древние легенды» была издана в издательстве «Детская литература» в 1968 году. Однако весь тираж был уничтожен властями. Первое книжное издание, доступное читателю, состоялось в 1990 году.

Умер 28 октября 1969 года в возрасте 87 лет.



Андрей Рублёв

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному Творцом.

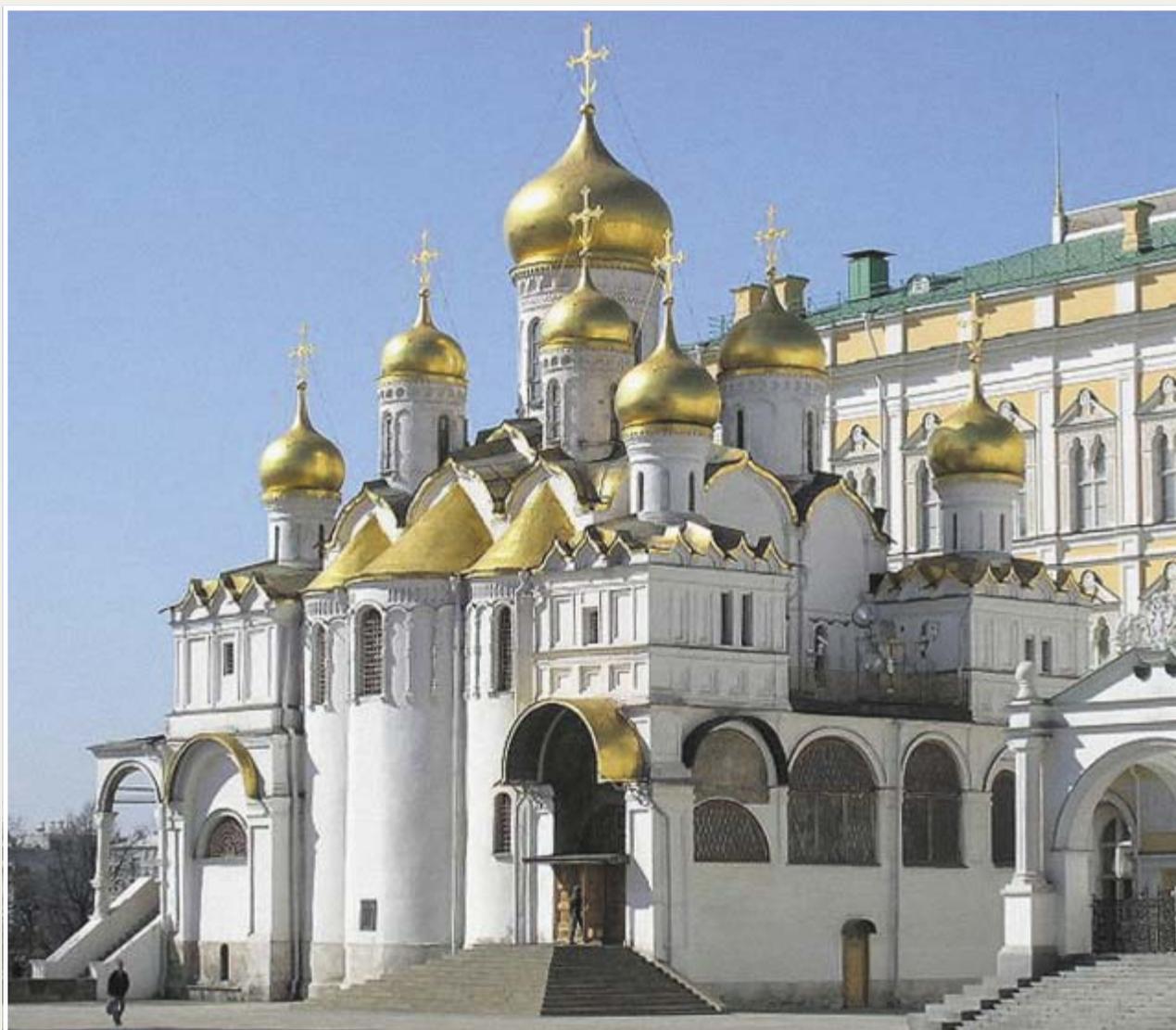
Нос — это дерева ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещей сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб — как свод небесный,
И кудри — облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

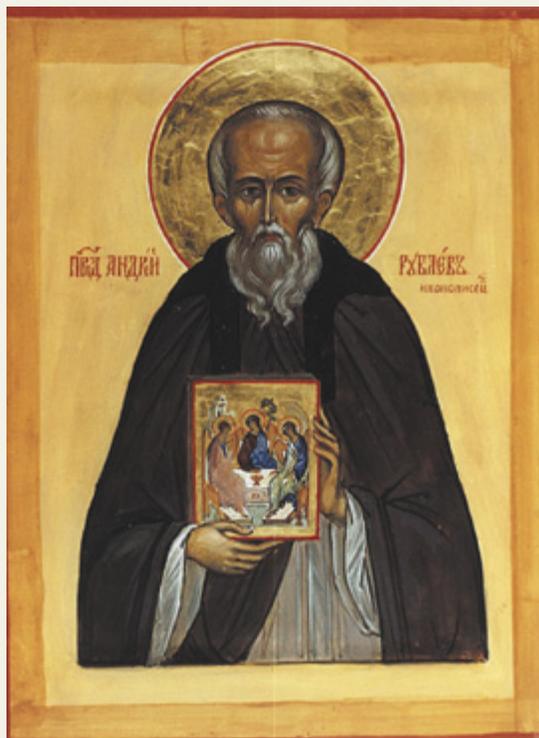
И тут же, у подножья дерева,
Уста — как некий райский цвет,
Из-за какого мать Ева
Благой нарушила завет.

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублёв мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем Божьим стал.





Андрей



Святой преподобный Андрей Рублёв

Андрей Рублёв — русский живописец, святой Русской Православной Церкви, создавший произведения, являющиеся вершиной иконописного творчества. Он жил и творил во второй половине XIV — первой половине XV века, когда русские живописцы не подписывали свои работы, и нам известно об их авторстве из летописей и других сохранившихся древних источников.

Учителем и образцом для Андрея Рублёва был византийский иконописец, живший на Руси, Феофан Грек. Византия — православная империя со сложившимся и развитым искусством, которое было основой для творчества русских живописцев в то время.

Феофан Грек и Андрей Рублёв создали иконы для Благовещенского собора в Московском Кремле в 1405 году. Ученик многое перенял от учителя, мастерство которого не могло остаться незамеченным с его стороны.

Вместе с живописцем Прохором Андрей Рублёв создаёт иконы «Преображение»,

«Воскрешение Лазаря», «Рождество». Работы русских мастеров отличают плавность линий, мягкое соотношение цветов, светлые и человеческие образы, что является свойственным для русской иконописи.

Помимо создания икон Андрей Рублёв внёс свой вклад в развитие древнерусской книжной миниатюры. В «Евангелии Хитрово» ему принадлежит миниатюра, изображающая ангела, держащего в руке большую красную книгу; ангел красив и стремителен.

Неподалеку от храма близ Москвы в деревянном сарае реставраторы обнаружили несколько иконописных досок, после проведения реставрационных работ оказавшихся частью иконостаса одного из звенигородских храмов. Сохранились три иконы, по которым можно представить красоту и живописную целостность большого иконостаса. Живопись мягкая и прозрачная, лики Христа, архангела Михаила и апостола Павла выполнены с исключительным мастерством, передают черты возвышенные и близкие человеку.

Одна из наиболее известных русских церквей — Успенский собор во Владимире, воздвигнутый в XII веке, — был заново расписан в 1408 году, фрески исполнили Андрей Рублёв и Даниил Чёрный. Самая большая композиция в храме изображает Страшный суд, тема, к которой неоднократно обращались византийские и западные средневековые художники, трактовавшие её как страшное наказание за человеческие грехи. В творении Рублёва же отсутствуют мрачные цвета, нет страха и отчаяния или неумолимой суровости. Образы написаны с необычайной любовью и теплотой. В искусствоведческой литературе часто говорится о русификации, свойственной персонажам рублёвских фресок и икон.

Шедевр Андрея Рублёва — икона «Троица», изображающая трёх ангелов, — совершенное цветовое, линейное и композиционное решение.

Рублёв

Даниил Санкин



Троица. Около 1411 г.



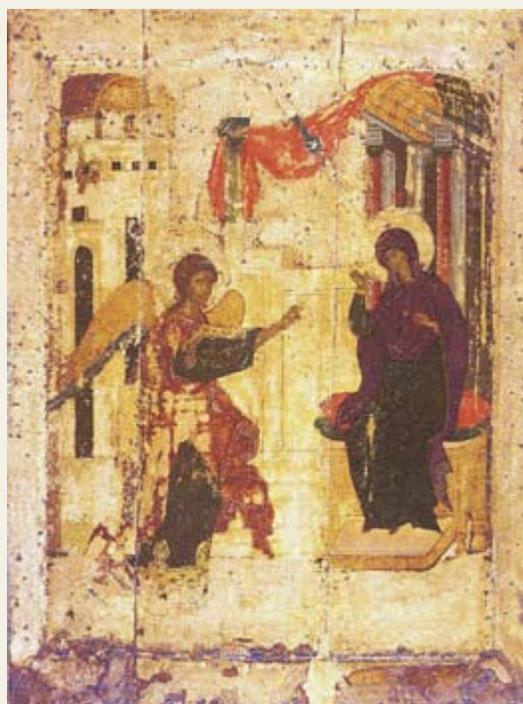
Рождество Христово.
Благовещенский собор
Московского кремля

Благовещенье. XV век



18

Миниатюра, изображающая Ангела в «Евангелие Хитрово»





Фрагмент росписи Успенского собора во Владимире

Спас. Деталь. 10-е годы XV века

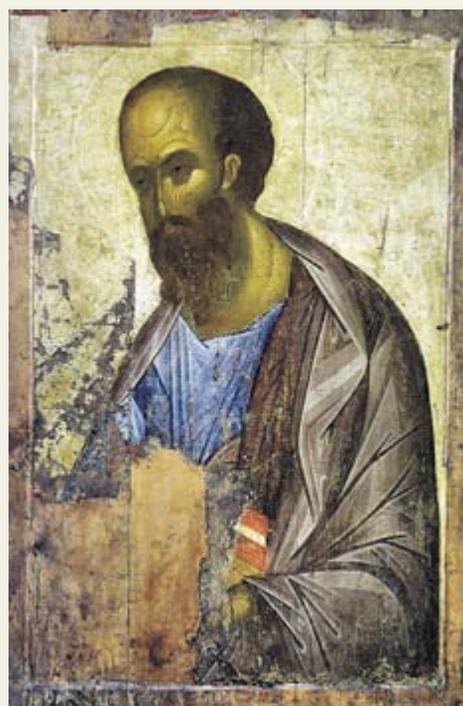
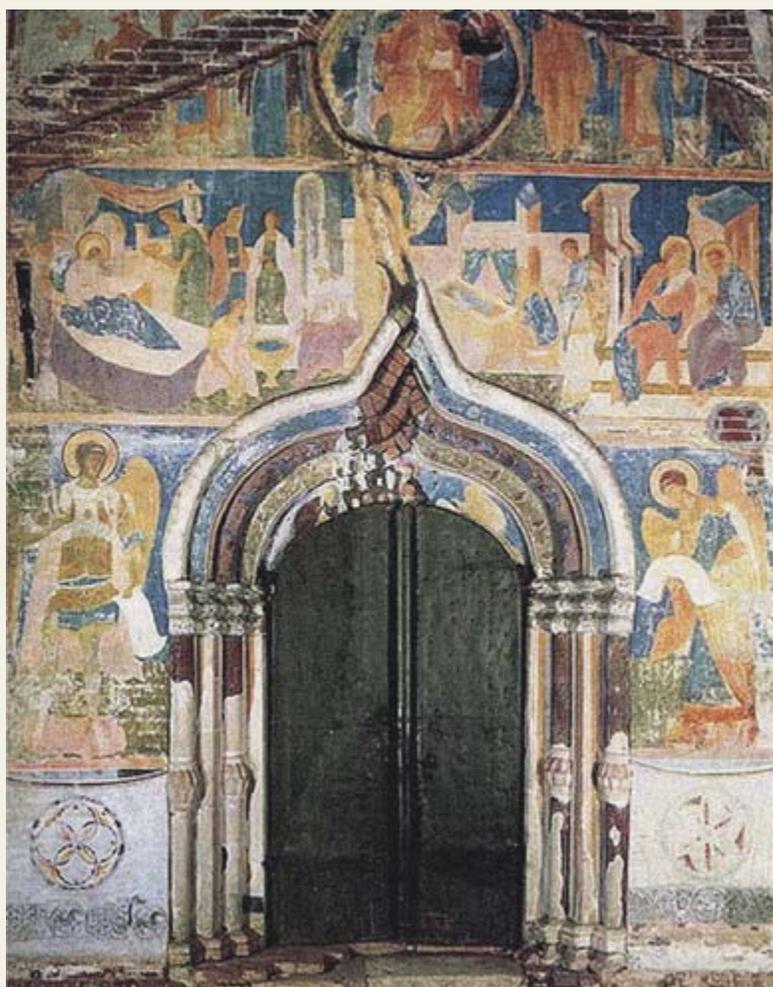


Спас в силах. 10-е годы XV века





Сошествие во ад. 1408–1410 гг.



Апостол Павел. 10-е годы XV века



Большой Муксалма

Все острова Соловецкого архипелага по-своему уникальны, каждый не похож на другие. Большой Соловецкий остров — это древнее сердце Соловков. Там стоит огромная сказочная крепость, под стенами которой разбросаны дома небольшого северного посёлка. На Большом Соловецком множество заповедных мест, система искусственных каналов, скиты и церкви, а также единственная в России действующая церковь-маяк на Секирной горе (мы писали о ней в № 4 за 2013 год).

Остров Анзер — самый недоступный из всех, но и самый притягательный для туристов и паломников. Его пейзажи так же разнообразны, как виды Большого Соловецкого острова, а церковь Распятия Христа на горе Голгофа — это вершина не только Соловков, но и всего Русского Севера, и всей Православной Руси.

Голым и суровым выглядит Заяцкий остров, на котором сошлись доисторическая древность каменных лабиринтов и начало побед Петра Великого (про Заяцкий остров и Анзер мы писали в 7 и 10 номерах «Детской роман-газеты» за 2013 год).

Точно так же уникальна природа и история острова Большая (или, как писали раньше, — Большой) Муксалма.

Самым удивительным явлением Муксалмы является, пожалуй, длинная дорога-дамба, соединяющая с ней Большой Соловецкий остров. Дамба эта выстроена из дикого камня — огромных валунов — руками монахов и трудников, а также наёмных рабочих в 1827 — 1865 годах под началом знаменитого на Соловках инженера, монаха Иринарха.

Пролив, разделяющий Большой Соловецкий остров и Муксалму, шириной около километра. Но каменная дамба гораздо длиннее. Она начинается ещё на заболоченном берегу большого острова, затем петляет по самым мелким местам пролива. Ширина её такова, что могут разехать три грузовика. И дорог-то таких в России немного, не то что старинных дамб.

Правда, грузовики по старой дамбе не ездят — старинное сооружение находится под охраной закона. Да и дорога, которая ведёт к дамбе, сейчас почти непроходима для транспорта (говорят, что машины и испортили эту дорогу). Но когда-то движение на ней было ожив-

лённым. Ведь пролив перегораживали дамбой не для красоты, а их сугубо хозяйственных соображений.

Муксалма — остров низкий, но в ближайшей к монастырю части не заболоченный. Там мало лесов, зато есть огромные луга, на которых и паслось большое монастырское стадо. И самые большие хозяйственные дворы монастыря — коровники и сеновалы Сергиевского скита — располагались здесь.

Сейчас жизнь на Муксалме еле теплится. У Соловецкого монастыря, который стал недавно единственным собственником почти всех хозяйственных объектов и скитов Соловков, не хватает средств и работников, чтобы восстановить хозяйство на Муксалме, не говоря уже о том, чтобы достичь размеров здешней фермы периода расцвета (в конце XIX — начале XX века). Крепкими стенами может похвастаться единственное кирпичное здание, соединяющее в себе скитское жильё и склад. Кроме него, на обширном лугу уцелели лишь покосившаяся деревянная гостиница, а также углый сруб над старинным колодцем. Деревянные стенки и колодца, и избёнки уже полностью сгнили. До сих пор не восстановлена и стоявшая здесь церковь святого Сергия — от неё не сохранилось даже фундамента.

Но странное ощущение испытываешь в этом пустом скиту — как будто люди трудились здесь совсем недавно. И это несмотря на остовы ржавой техники, разбросанные повсюду, на горы мусора и бурьян. От многочисленных коровников и других служебных построек уцелели только характерные для Соловков насыпные холмики — по ним грузы и люди поднимались на второй этаж ферм, где хранилось, по-видимому, сено. По рядам таких насыпей можно сосчитать, сколько коровников стояло на лугу Сергиевского скита и какого примерно они были размера. Впрочем, судить об этом можно и по многочисленным дореволюционным фотографиям, живописующим тогдашнее соловецкое изобилие.

Откуда же это ощущение, что монахи-работники ушли ненадолго и скоро вернутся?

Во-первых, сама дамба, по которой попадаешь в скит, выглядит почти как новая, стоит так же прочно и монументально.

Ежегодные ледоходы, а также штормы и приливы не причинили ей вреда — так разумно она устроена. Под дамбой сделаны три арки для свободного течения воды, а сами изгибы дамбы служат волнорезами и острыми углами удерживают давление зимнего льда и весеннего ледохода.

Во-вторых, в летний, туристический сезон паломники и туристы не оставляют Большую Муксалму своим вниманием: по ведущей из поселка Соловецкий дороге постоянно движутся велосипедисты, пешеходы и туристы на вездеходах местных жителей, для которых такие поездки — полезная подработка. Ходят на Муксалму моторки соловчан и парусник Товарищества Северного Мореходства, штаб-квартира которого расположена на Соловках.

Присматривают за Сергиевским скитом послушники и монахи монастыря, следит за островом природоохранное ведомство, работники заповедника.

Работают здесь и местные жители, соловчане. На соседнем островке Малая Муксалма находится артель сборщиков ламинарии, туры и анфельции — водорослей, ценного сырья, которое издавна добывали в прибрежных водах Белого моря. Ламинарию (её называют ещё морской капустой) косят, стоя в лодке, специальной длинной косой с шипами (длина её древка-косовища — до 8 метров!). Шипы нужны для вытаскивания морской травы на борт. Используют для этого и специальные вилы.

Потом на фабриках, на материке из водорослей делают мармелад, а также другие полезные вещи.

Интересна и технология высушивания водорослей. Их развешивают на ряды колючей проволоки, которой на Муксалме осталось много с тех времён, когда здесь находился один из Соловецких каторжных лагерей. Столбики с натянутыми между ними колючками стоят и на обширном лугу Соловецкого скита. Значит, сборщики водорослей трудятся и здесь.

Неизвестно, будет ли когда-нибудь восстановлено хозяйство Большой Муксалмы в прежнем размере. Скорее всего — нет, ведь для такого хозяйства нужны десятки послушников-трудников и сотни крестьян, а столько не наберётся сейчас на всём побережье Белого



моря. Да и натуральное хозяйство в жизни людей играет нынче меньшую роль, чем раньше (хотя о том, плохо это или хорошо, можно поспорить). Большую промышленную важность имеет добыча водорослей, эта отрасль на на-

шем Европейском Севере нуждается в развитии, однако совмещать сезонную, тяжёлую физическую работу с монашеским служением почти невозможно.

Но тем не менее Сергиевский скит потихоньку восстанавливается, пусть и





«Муксалма» значит «Каменный пролив»

медленнее, чем другие, более знаменитые скиты Соловков. У Муксалмы иная судьба, другой «характер», чем у аскетичного удалённого Анзера или «исторического» Заяцкого острова, который всегда служил как бы воротами Соловков. Муксалма — это «задний», хозяйственный двор Соловков, не самая блестящая его часть, но такая же необходимая, как любая другая. Ведь без труда на земле, без экономики — а это слово по Аристотелю, означает «ведение хозяйства» — невозможна никакая жизнь, в том числе и монашеская.



Муксалма хранит много загадок

Как и все заповедные и труднодоступные уголки России, Муксалма хранит много загадок и ждёт своего исследователя, а может быть даже первооткрывателя каких-то чудес.

Загадки Муксалмы начинаются с её названия — в прежних справочниках слово «Муксалма» считалось мужского рода, и остров назывался «Большой Муксалма». Сейчас всё чаще его пишут в женском роде.

Скорее всего, слово «Муксалма» финско-карельского происхождения. «Салми» означает по-фински пролив. Возможно, в древности «Муксалма» звучало как «мукулосалми» — «каменный пролив», пролив, заваленный булыжниками. Именно так и выглядит в реальности пространство между Большим Соловецким островом и Большим Муксалмой, даже несмотря на то, что большая часть камней ушла на возведение дамбы.

Когда и почему название пролива перешло на остров и произошло ли всё так, как я предполагаю, — неизвестно. На современных картах этот пролив носит название «Железные ворота». Но если «муксалма» значит действительно «каменный пролив», то слово это мужского рода, и значит, в прежних справочниках писали правильно — «Большой Муксалма». Правда, на Белом море много топонимов, восходящих не к карело-финским наречиям, а к более древним саамским, значит, чтобы понять значения многих соловецких названий, необходимо продолжать исследования...



Павел Гусев
Художник О. Ионайтис

ГНЁЗДЫШКО

Ты видишь, мой дружок, на опушке леса большое дерево, а на нём маленькое гнёздышко. Раньше в нём жил Дрозд, который ухаживал за гнёздышком. А сейчас — смотри?! Прутья повывлезли, торчат в разные стороны, запустело гнёздышко. Но оно давно ждёт своего хозяина Дрозда, пережило холодную зиму, и сейчас, когда пришла тёплая весна и все гнёздышки по соседству уже заняты прилетевшими птицами, оно по-прежнему ждёт его.

И вот решило гнёздышко, чтоб совсем не разрушиться, пригласить Воробья, пусть в гнёздышке поживёт и новые прутьки поставит, как раньше было. Поселился Воробей, да только больше лежал, наслаждался и об прутьки клюв чистил и их повывдёргивал. Ниче-

го Воробей не починил и улетел. За ним прилетела Синица и попросилась в гнёздышке пожить. Согласилось гнёздышко. «Может, Синица веточками щели заделает, а то стало продувать гнёздышко». Но Синица тоже оказалась плохой помощницей, только и делала, что летала с гнезда на землю, всё гнёздышко расшатало так, что оно упасть могло.

Пожила Синица и улетела.

Гнёздышко загрустило. Как тут не загрустить: всем оно свой домик пожить даёт, а починить его никто не хочет, оно так и развалиться может.

Ты слышишь, дружок? Кто-то там весело щебечет, поёт? Да это Дрозд прилетел! Вокруг гнёздышка танцует-радуются. Веточку в клюв взял, к гнёздышку прикладывает. Смотри-ка? И гнёздышка не узнать, так и светится от солнечных лучиков.





Червячок

На краю леса рос Клён с красивыми узорчатыми листьями. Однажды, только закапал небольшой дождь, к самому большому листочку подполз маленький червячок, худенький, казалось, вот-вот упадёт, и нежно попросил:

— Листочек, я боюсь, что меня смоеет дождь. Спрячь меня от него!

— Пожалуйста, мне не жалко, — ответил Листочек, — а заодно подружись. Ты, наверное, много повидал, пока на дерево забрался. Поговорим, и мне скучно не будет.

Заполз червячок под листочек. Хорошо, как под зонтиком. Пригрелся и не заметил, как дождь прошёл. Захотел Червячок пить, прогрыз дырочку в Листочке. Пьёт, наслаждается. Листочек возмутился:

— Я же тебя от дождя спрятал, подружиться хотел, а ты мой сок без спроса берёшь. Я без него жить не могу. Уходи от меня!

И хотел было сбросить его, но Червячок крепко уцепился. Он в дырочку глубже заполз, пошире её сделал и отдохнуть лёг, чтоб потом ещё раз соком полакомиться.

— Эх! — вздохнул Листочек. — Червяк совсем мне не друг, из-за него я ослаб, еле на дереве держусь.

А червяк за это время присмотрел другой большой сочный листочек и пополз к нему.





Муравьишка



— Артёмка, почитай что-нибудь на выпускном утреннике, — попросила меня воспитательница Инга Петровна. — Стихов ты знаешь много, выбери одно, поинтересней, и подготовь вместе с мамой!

— Не волнуйтесь, не подведу!

Стихи у меня сами запоминаются, и учить не надо! Для меня это совершенные пустяки! Есть и любимое — про муравьишку — не знаю, кто его автор. Я то и дело твержу этот стих, и даже пою.

Не сомневаясь ни секунды, решил: почитаю про муравьишку. И пусть все о нём узнают.

Не успело в тот день выглянуть солнце, я уже на ногах, распеваю стихотворение. Мама зашла ко мне в комнату и всплеснула руками:

— Тёма, да ты Шаляпин! Тише, все ещё спят! А не лучше ли декламировать стихотворение, а не петь?

— Сейчас попою, а со сцены почитаю...

За пением я не заметил, как пролетело утро. И мы с мамой отправились в детский сад (еле дождался нужного часа!). Я старался шагать в ногу с мамой, шёл и думал, как мой муравьишка всем понравится, как всё будет просто здорово! Потом начал подпрыгивать, сгорать от нетерпения, ведь мы шли не куда-нибудь, а на праздник!

Вы любите разновсякие праздники? И я очень. Мы с Алинкой их обожаем. Особенно — морозный Новый

год с ёлкой. И весёлую Масленицу с блинами. А ещё Пасху с разноцветными яйцами. И Валентинов день с наивкуснейшим маминым тортом в виде сердца. А день дружбы? Есть такой праздник летом. Мы «отрываемся» в этот день с нашими друзьями, веселимся до упада! На утреннике яблоку негде было упасть: мамы и папы, бабушки и дедушки, сёстры и братья, крёстные, дяди, тёти — вся детсадовская родня! Воспитанников — в несколько раз меньше взрослых, все разодетые. Принцессы — с коронами на головах, размалёваны. Принцы — в пиджаках и брюках. Мамы поправляют причёски у дочек-принцесс и пудрят им рожицы. Папы расхаживают по залу и снимают камерами всё подряд. Все гости с добрыми лицами, и ни хмурого взгляда поблизости.

На первом ряду сидел дедушка с громадной седой бородой. Когда он наклонился, получалось: голова — борода до пола — два ботинка. «Старик Хоттабыч из книжки про Вольку — вот он кто!» — догадался я. Только я успел представить, как ибн Хоттаб вырывает из бороды волосок и начинает вытворять свои фокусы, Ирка Степанова — специальная утренничная ведущая — после речи заведующей и разудалой пляски карапузов объявила меня. До этого, пока малявки гарцевали, я стоял и, почёсываясь от нового колючего пиджака, дрожал. Мы — артисты — все тряслись от мысли, что

нам скоро выступать. Иркино объявление застало меня врасплох, я онемел. Не помню, как оказался у края сцены... как дотащил свои одеревенелые ноги... А когда пришёл в себя, глянул в зрительный зал. Там народу!.. Миллион! У меня земля ушла из-под ног... И вся эта толпа уставилась на меня, будто и вправду я артист. И всё же я пришёл в себя. Отыскал глазами Хоттабыча. Взгляды наши пересеклись. Волшебник улыбнулся, и мне стало значительно легче. Потом я перевёл взгляд на маму с огромным букетом в руках. Она смотрела мне прямо в лицо и, довольная, сияла. Я выставил ладошку и сдунул с неё воздушный поцелуй. Глянул на Лёвку-одногоруппника, он показал мне язык; пришлось в отместку скорчить пошнее рожицу — у меня получается не хуже, чем у клоуна. И тут я столкнулся взглядом с нянечкой, она встрепенулась, кивнула мне, а я решительно помахал ей рукой. Сосед по кровати Вовка Спицын сидел взлохмаченный, как после битвы с носорогом, вращал головой — искал кого-то — и меня не замечал. В углу зала забилась директорша с пышной причёской и изо всех сил подавала мне знаки лицом.

— Что вам, Нельиванна? Я без звука не понимаю, — сказал я ей как можно громче.

Заведующая округлила глаза и вмиг забыла про меня. А я вдруг вспомнил, для чего стою. Но, как на грех, подло заурчало в животе, захоте-





лось на минутку сбегать кое-куда, да какое там... надо же декламировать! Я начал:

*Извилист путь и долог,
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?*

Читал с выражением, ну честно, и даже без запинок и не сводил глаз с доброго волшебника. Ибн Хоттаб хитро подмигнул мне, провёл рукой по бороде, и страх мой улетучился. Насовсем. Стало так, будто я не среди народа, а дома, стою себе перед зеркалом и читаю любимый стих. Но тут произошло нечто имевшее неожиданное продолжение и в итоге, кажется, успех. Прикончив последнюю строчку, я вдруг начал с самого сначала. Хотел остановиться, но строчки уже бежали одна за другой, я едва успевал открывать рот. «Что это со мной?» — мелькнуло в голове. В зале задвигались стулья, слышался смех. Я дочитал до конца. И более того! Перескочил на первую строчку! Мотнул головой... тихо ойк-

нул... А строчка уже неслась во всю прыть, за ней по пятам скакала другая... Одна кончалась, откуда ни возьмись — новая... Я еле-еле поспевал за словами. Строчил, как новенький пулемёт, боясь притормозить даже на секунду: вдруг собьюсь. И тут я... запел. Ого! Ещё как! Из меня прямо вырвалась мелодия! И получалось, я уже не декламировал, а распевал стих — так, как дома.

Знаете, петь мне запросто, для меня это легкотня!

А тогда, на сцене, не переставая петь, я подумал: «Может, я в самом деле Шаляпин, раз без музыки не могу?» У мамы — она сидела с краю в третьем ряду — взгляд стал вопросительным и ну очень серьёзным. Зато у юных зрителей — наоборот: физиономии — как у самых развесёлых клоунов на свете. Они, поскольку делать им было нечего, визжали так, словно их щекотали за пятки. Длинный из старшей группы подскочил на стуле, как ужаленный, потом плюхнулся на место и стал противно гыгыкать и топтать ногами. Смеялись все, даже моя закадычная подружка Юлька. Но я не обозлился на неё, загорлопанил будь здоров! Громче прежнего. Чтобы было слышнее. Потом я глянул на Нельванну с набок завалившейся причёской. Она, выпучив вперёд глаза, забилась в угол ни жива ни мертва... А вот Хоттабыч подпевал мне!.. У него рот открывался в такт моему.

Ну и так далее, и тому подобное...

Пока я выступал, поклялся себе: ни за что не подведу воспитательницу!

*А он, упрямец, тащит
Её тропой рябой
И, видимо, тарашит
Глаза перед собой.*



*И думает, уставший
Под ношею своей,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:
«Тащил, собой рискуя,*

*А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».*

Пел я аж до хрипоты, добросовестно. И вдруг услышал одинокие хлопки. Вгляделся в зал. Хлопала мама! Стоя, цветы — на стуле. Лицо у мамы было малиновое и очень взволнованное.

— Ух, — хрюкнул я и смолк.

Ну вы уже поняли, это мамочка остановила меня!

Как гора с плеч...

Боже! Что было после моего выступления! Гром оваций! Мне так аплодировали! И кричали приятное. От восторженных воплей чуть не повывлетали стёкла из рам. А толстый усач, такой здоровяк (этот дядька — Иркин отец), пробасил, как в трубу, перекрывая всех: «Чудо-ребёнок! Умеет и громко петь, и декламировать с поэтическим чув-

ством!» Хоттабыч хлопал, как и мама, стоя (борода прыгала ладоням в такт). А тот длинный вдруг выдал: «Бра-во, Тёмка! Bravo!» И хотя его голос заглушил ребячий гомон, я его всё-таки услышал. И вдруг, будто состязаясь с целым залом, длинный так истошно заорал своё «браво», что заткнул громадного усача.

В тот день моя судьба была решена. За кулисами воспитательница, склонившись надо мной, сказала прямо в ухо пасмурным голосом:

— Горе ты моё горькое... Разговорился... Подумать только! Три раза одно и то же читать, и даже петь!.. Непозволительная роскошь! — Инга Петровна развела руками, вот так.

Я напрягся. Роскошь? Непозволительная... Что означали эти слова? Кажется, воспитательница была мной недовольна... Разве подвёл её? «А зрителям ничего, им понравился мой муравей», — подумал я и побрёл, куда сам не знаю, побрёл медленно, как только мог. Меня вроде не стало. А когда встрепенулся, спросил сам себя: «Сколько читал? Три раза? Ах, ещё и пел!.. Но главное — не забыл слова, и главное всего — мне громко аплодировали. Просто руки отхлопали».

Тут я наткнулся на маму, ринулся в её объятия. Она обрадовалась: нашла меня! Утешительным голосом мама сказала, что я — молодец, не

растерялся, вовремя взял себя в руки (как это взять в руки самого себя?). А ещё рассказала, как один дедушка с бородой до пояса, выходя из зала, слово в слово распевал про моего муравья.

— Вот что значит, Артёмушка, три раза прослушать одно и то же, — сказала мама и, рассмеявшись звонко, прямо как девчонка, поцеловала меня в макушку, закончив поцелуй любимыми словами: — Ах, ты моя радость, мой ты дорогой сын!..

— Mam, я старался... Изо всех сил!

Думаете, что я сделал после утренника?

Направился в сквер к муравейнику. Я ещё не говорил вам — у меня есть собственные муравьи! Я кормлю их крошками. И мечтаю, когда они со мной, вот так: «Побыть бы хоть день муравьём... У них так интересно... Им вместе не скучно... По ночам они спят. А днём идут туда, куда захотят: все по своим делам. А дела у них интересные! Им не нужно мыть посуду и делать уроки... И в угол их некому ставить... Муравьём быть намного приятней... Они ходят босиком круглый год, вот. Жаль, у них нет мяча, и в футбол они, значит, не играют. И в музыке они ни бе ни ме... Зато живут в лесу и дружат все вместе... А едят — кто что найдёт... Эх, заглянуть бы в их комнаты...



Как у них там? Но не получится. Был бы я маленьким...»

В тот день я встретил одного симпатягу. Он с трудом тянул по невидимой тропе длинную соломинку. Суетился, крутился, пытался... Но вот беда: соломина у него — ни туда ни сюда. «Моя помощь ему непременно нужна», — подумал я. Со мною работа быстрее пошла — я стал помогать. Муравьишка застыл. Видно, был удивлён. Вокруг огляделся: рядом — никого (меня не заметил, я-то большой!). Он — вновь за дела! Но соломина опять — ни туда ни сюда... Не под силу ему одному.

Что было дальше? Муравей посидел, головой повертел и — вновь за дела! Свою носу так рванул на себя! Но упал. Эх, жизнь муравья... Ты так тяжела!..

И тут я придумал: надо найти муравья-силача! Он как раз мимо бежал. Эй, ты куда? Полезай-ка скорее сюда! Посадив его на кленовый листок, перенёс к месту работ. И вот чудеса! Увидев друг друга, муравьи кинулись прочь кто куда. Вот такие были дела...





Достижения цивилизации

(Продолжение. Начало см. в ДРГ № 2, 4, 5, 9, 10 за 2014)



Победа над болезнями

Наступает холодное время года, и мы начинаем чихать. Насморк — относительно безобидная хворь, но есть болезни гораздо более серьёзные. Чума, оспа, холера, тиф, малярия, туберкулёз издавна сопровождали человечество. Они вошли в историю — заставили цивилизации инков, индейцев и весь Новый Свет пасть к ногам Старого. Они вошли в язык и культуру — «Чума на оба ваши дома!» — восклицает герой Шекспира.

Раньше люди не понимали, что такое болезни, и никак не могли влиять на их течение — они считали, что это божественная кара, неотвратимое наказание. И только в наши дни возникла надежда победить некоторые из них. Например, оспа — страшная болезнь, в Средние века уносившая по полтора миллиона жизней ежегодно — сейчас считается полностью уничтоженной. Но чтобы добиться этого, понадобилось

200 лет. Именно 200 лет назад английский врач Эдвард Дженнер разработал прививку от оспы. Он был практиком и двигался на ощупь, но оказалось, что он открыл фундаментальный метод. Впоследствии его назовут вакцинацией — ослабленная инфекция, воздействуя на организм, активизирует иммунные механизмы и подготавливает их для защиты от серьёзного заболевания. Поначалу общество (особенно церковь) отнеслось к методу Дженнера с недоверием. Но нужда в средстве от оспы была так велика, что вскоре оспопрививание стало обычной практикой. Первыми массовые прививки ввели британская армия и флот. И скоро метод Дженнера, спасающий миллионы жизней, сделал его известным и уважаемым человеком.

Заложить основы научного понимания помогли труды другого учёного. Голландец Антони ван Левенгук, шлифуя стеклянные линзы и конструируя

из них оптические приборы, смог около 1670 года собрать 300-кратный микроскоп, позволивший заглянуть в жизнь микромира. Он с удивлением обнаружил, что мир вокруг полон невидимой простому глазу жизнью, и даже в обыкновенной капле воды увидел (и зарисовал!) множество мельчайших живых су-

понимание её роли в передаче генетической информации. В 1964 году впервые осуществлена пересадка сердца, а в 1987-м — первый удачный эксперимент по клонированию млекопитающих.

Давайте попробуем подвести итог развитию медицинской науки. На сегодняшний день многие болезни, считав-



Антони ван Левенгук



Эдвард Дженнер



Луи Пастер



Александр Флеминг

ществ. Левенгук не был биологом — он не смог связать деятельность микроорганизмов с человеческими заболеваниями — это сделал спустя 200 лет Луи Пастер. Нам хорошо известно его имя — мы ежедневно читаем его на упаковке молока — ведь именно он придумал технологию пастеризации, позволяющую продлевать срок хранения продуктов. Однако главная его заслуга в другом: он доказал, что бактерии являются причиной инфекционных заболеваний человека; исследовал механизмы иммунитета; создал вакцины от сибирской язвы (1879) и бешенства (1885); выделил и описал возбудителей холеры и ряда других болезней.

В XX веке произошёл настоящий прорыв в изучении микромира и биологических объектов. В 1928 году Александр Флемминг открывает пенициллин — мощный антибиотик, помогающий лечить многие болезни. В 1930 изобретён электронный микроскоп, впервые позволивший увидеть вирусы — ещё один помимо бактерий вид возбудителей заболеваний. Хотя открыл ДНК Иоганн Фридрих Мишер в далёком 1868 году, но на 50-е годы XX века приходится подробное изучение её структуры и

шиеся смертельными в Средние века, побеждены. Но есть болезни, по отношению к которым современный врач чувствует себя приблизительно так же, как чувствовал средневековый доктор: он может только облегчать страдания, но не излечивать окончательно. Особенно трудно поддаются лечению вирусные заболевания. Например, обыкновенный грипп относится к группе вирусов, которые изменяются особенно быстро. Каждый новый штамм гриппа может стать особенно опасным и вызвать всемирную эпидемию. Именно так и случилось в 1919 году, когда штамм, названный «Испанка», пришёл во время Первой мировой войны и унёс больше жизней, чем все военные действия. Нет никаких гарантий, что подобное не повторится снова.

Конечно замечательные достижения современной науки впечатляют. На самом же деле наука только наметила путь и снабдила исследователей и врачей некоторыми мощными инструментами, которые при правильном использовании приведут людей к окончательной победе над болезнями. Но тем не менее значительную часть этого намеченного пути ещё предстоит пройти...

По произведениям
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО



В нём просыпается совесть и начинает его мучить. И в конце романа Раскольников становится совсем больным.

В произведениях Достоевского часто встречаются люди, живущие мелкими бесами.

Дверь снутри была закрыта на цепь. И в темноте заблестели её глаза, — так было каждый раз. Раскольникову не нравилось всё это, не мог спокойно смотреть на это. И однажды он не сдержался и решился на самое страшное. Он решил уничтожить старуху.

Достоевский — великий писатель, который смог показать, как пышно процветает преступность в его произведениях.

Достоевский писал роман в минуты глубокого духовного разложения.

И тогда Раскольников вопрошает: «Тварь я ходячая или кто?»

Лизавета была поминутно беременна, поэтому Раскольников загубил не две жизни, а три.

Мармеладов и Катерина Ивановна встретились, когда оба были вдовцами.

Многие писатели берутся покопаться в душе человеческой (и часто невымытыми руками). Но не сравниться им, нет, с Достоевским, мастером социально-психологического романа.

На Раскольникова в щёлку смотрели маленькие глаза и совсем седые волосы.



Секретик

Когда-то младшие школьники увлекались закапыванием «секретиков»: блестящий фантик, красивую пуговицу или цветок прятали в ямку, накрывали осколком бутылочного стекла и засыпали землёй. Потом можно было аккуратно раскопать свой «секретик» и любоваться им через стекло. А ведь эту идею можно использовать для создания интерьерного украшения!

Для работы потребуется:

- глубокая рамка со стеклом;
- красивая бумага;
- веточки;
- камешки;
- верёвочка;
- ракушки;
- клей.

Разберите рамку, вынув основу из оргалита, на которой будет выложена композиция.

Подберите элементы, из которых будет собрана композиция. Это могут быть панцири морских ежей, перья, кусочки сухого мха, засушенные цветы, камешки, веточки, мелкие шишки, ракушки, ключи и прочие милые вещицы.

Вырежьте подложку из красивой бумаги или куска обоев.

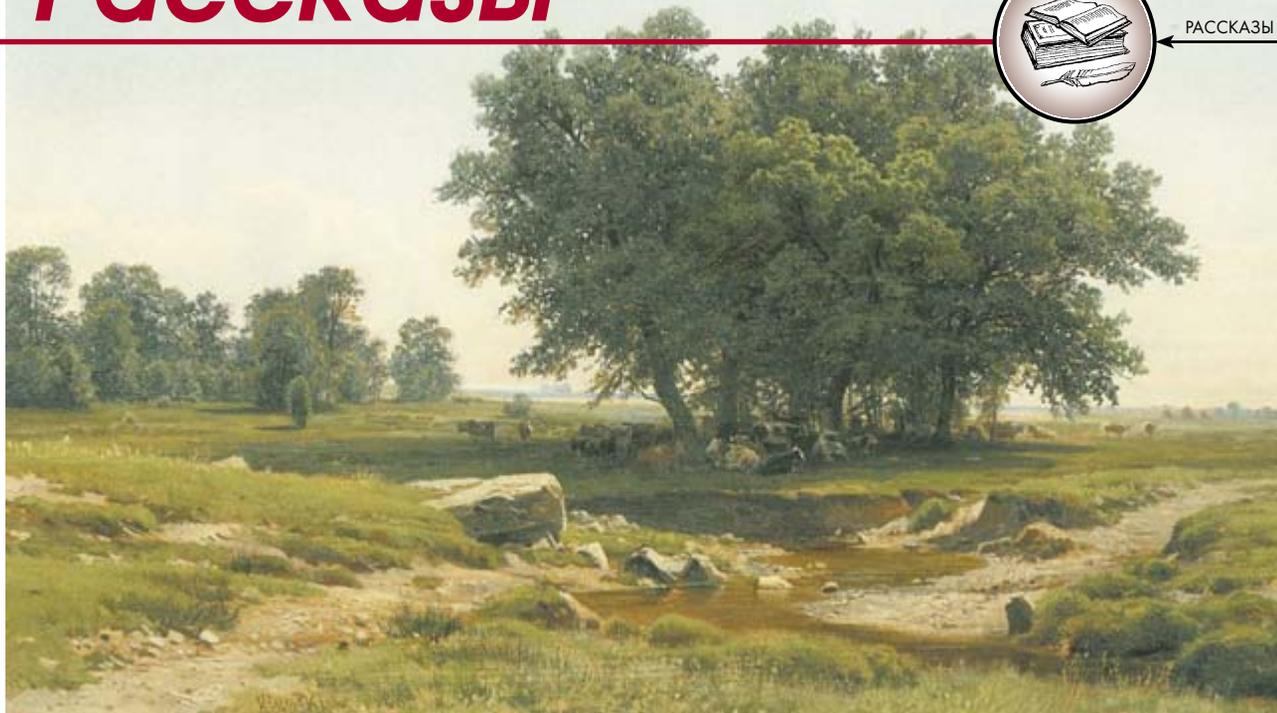
Приклейте подложку к оргалиту, сверху наклейте паспарту из рамки.

Выложите, а затем приклейте на основу элементы композиции.

Снова соберите рамку. Интерьерный «секретик» готов. Для изготовления поделки можно использовать в качестве фона, если это будет в тему, нотные страницы, журнальные вырезки, газетные кусочки, декупажные карты, упаковочную бумагу.

Спрятать под стекло можно коллаж из любых предметов и любого их количества.





Иван Шишкин. Дубки. 1886 г.

Камень

Мы с дедушкой собирали грибы — по опушке леса, где попадались маслята.

— Вовк, глянь, у тебя глаза повострее. Кто это там бродит?

По лугу ходил какой-то человек с рюкзаком. Он то шел вперёд, то назад, то останавливался и, наклонившись, что-то разглядывал у себя под ногами. Надо сказать, что в те времена незнакомый человек в наших глухих местах появлялся крайне редко и, конечно, вызывал любопытство.

— Дедушка, а давай подойдём поближе! — Увидев нас, человек с рюкзаком пошёл нам навстречу. Одет он был погородскому: куртка с карманчиками, добротные брюки...

— Здравствуйте! — приветливо поздоровался он и, замаявшись, спросил: — Извините, а вы из какой деревни будете?

— Мы-то из Карповского, — многозначительно ответил дед.

— Как же, как же! Помню! Это там, за лесом. А я вот — отсюда, — растерянно разведя руками, сказал человек с рюкзаком.

— Отсюда, говорите... Это как же понять? Погодь, погодь. — Дед вдруг ожил, затормошился и выдохнул: — Го-

споди! Да не может этого быть! Неужто Павла Андреевича сынок? Уж больно вы на батюшку своего похожи. Ну вылитый Паша в молодости!

— Вы знали моего отца? Боже мой! — Человек с рюкзаком схватил руку деда, стал трясти её. — Вы не представляете, как я рад, что кто-то здесь его ещё помнит! Сколько лет прошло! Я ведь тогда мальцом был, когда нас в Сибирь выслали... Отец через год умер, а матушка, слава Богу, жива! Это она меня надоумила сюда приехать. Погляди, говорит, на родные места, как люди там живут, и мне расскажешь. А я уже битый час здесь хожу... Чую, что где-то здесь дом стоял, а найти не могу. Всё перепахано, заросло. Даже камня нет, на котором, — человек с рюкзаком вдруг запнулся и каким-то другим голосом, судорожно вздохнув, выдал по слогам, — на котором я гвозди выпрямлял.

— Нет, мил человек, ваш дом не тут, а вон где стоял... Вишь, там трава позеленее будет, это как раз на месте вашего пруда, там до сих пор родничок проклевывается, а камень... Так его трактористы к лесу отволокли, чтоб не мешал. Мы же тут косили... Могу показать, коль интересуетесь.

И мы направились к лесу. Дед точно вывел на большой плоский камень, лежащий на опушке в траве.

Какое-то время мы молча стояли перед камнем. Как вдруг человек с рюкзаком опустился на колени, обхватил камень руками, прижался к нему лицом, рюкзак на его спине вздрогнул, мелко задрожал и заходил ходуном. Рыдал он глухо. Я никогда не видел, чтоб так плакали взрослые люди. И мне стало не по себе.

Дед вдруг тоже опустился на колени.

— Ну будет, будет, — гладил он по голове, как маленького, лежащего на камне.

Человек с рюкзаком медленно поднялся. Лицо его было мокрым от слёз. Он отвернулся и стал утираться. «Извините», — сказал он тихо.

...Дед пригласил его к нам, в Карповское, мол, перекусим чем Бог послал. Но он отказался, сказал, что хочет успеть на вечерний поезд. И пошёл в одну сторону, а мы в другую.

По дороге домой дед рассказал мне об отце этого человека. Жил он на хуторе.

Хозяйство было справным: дом под железом и всякой живности полно. А главное — пасеку держал, мёд продавал. Ну, и попал в кулаки. Со всей семьёй его вывезли, пасеку разорили, а дом растащили.

— А каково им было там, в Сибири, среди лесов тамошних, непролазных? А я всю жизнь на своей земле живу! Среди просторов этих! — Дед остановился. — Слышь, как жаворонки насвистывают. Думаешь, они просто так свои песни распевают. Нет, внучок мой дорогой, они для нас поют, чтоб, значит, не скучно было идти... А ежели человека всего этого лишить? — И дед плавно повёл рукой.

Эти две картинки — человек, рыдающий на камне, и мой дед на луговой дороге, счастливо оглядывающийся вокруг себя, — висят в моей памяти рядом.

По примеру деда

В рязанской деревне, где я вырос, прямо за нашей улицей, в низинке, было три пруда.

Раньше здесь тянулся овраг, его перегородили тремя плотинами, и, когда весной снег растаял, получилось три пруда. Последний, нижний, был как раз напротив нашего дома.

У плотины росли три развесистые ивы — так назывались в наших местах ивы. Дед как-то, поглаживая одну из ветел по шершавому стволу, сказал: «Когда сажал, махонькие были, а теперь, вишь, как раскучерявились. — И, вздохнув, добавил: — А мой век уже на исходе».

Недавно я был в родной деревне — деда давно уже нет, дома — тоже. А вот в прудах все также, отражаясь, плывут облака. И квакают лягушки. И ветла стоят на своих местах. Я подошёл к одной и, вспомнив деда, погладил её по шершавому стволу.

И надо же такому случиться — в Москве, в Ясенево, где я сейчас живу, на нашей улице тоже три пруда и три плотины. Переехав в этот район, я по примеру деда возле одной из плотин посадил три тон-

ких росточка ивы. Сейчас они уже подросли и тоже, как говорил мой дед, раскучерявились.

Моя маленькая внучка знает, что эти ивы посадил я, её дедушка. И каждый раз, придя на пруд покормить уток, мы останавливаемся около них и любимся, как у них серебрятся листья от набегающего ветерка, и прислушиваемся, о чём они шепчутся.

Художник Г. Лопачёва



Нам пишут



Дорогая редакция!

С журналом знакома давно. Очень интересный журнал. Дети читают его с большим удовольствием. Устраиваем семейные чтения. Частенько с родителями обсуждаем, что нашим детям понравилось больше. Интересы у детей разные. Одним больше нравятся рассказы о детях, другим темы православия, исторические темы, любят читать стихи...

Жила в г. Санкт-Петербурге, теперь живу в Гатчине. И всегда возникала и возникает одна проблема — где достать журнал? В розничной продаже его практически нет. Да и не удивительно. Тираж всего 3000 экземпляров. В библиотеках он по записи, да и зачитан до дыр. Этот журнал с его разнообразной тематикой хотелось бы использовать для внеклассного чтения.

Только что вернулась из Читы, где случайно с детьми попала на литературный праздник «Забайкальская осень». Какова была радость, когда увидели на встречах с детьми в Забайкальской краевой детско-юношеской библиотеке им. Г. Р. Граубина, а на следующий день в библиотеке им. А. П. Чехова Геннадия Киселёва, детского писателя, с которым мы заочно познакомились благодаря Вашему журналу. Его рассказы: «Настоящий мужчина», «Новенький», «Домовёнок из 5А класса» хорошо знакомы и интересны детям. Но не только нашим. В Забайкалье дети тоже читают Ваш журнал, и он есть в библиотеках Читы!!! С каким интересом они слушали Геннадия Киселёва! Обсуждали прочитанные рассказы, делились впечатлениями от прочитанного. Возникли интересные дискуссии. Благодаря напечатанной в Вашем журнале повести «Кулисы или... Посторонним вход разрешён» в Интернете нашли и купили эту книгу Геннадия Киселёва. Кстати, и журнал, и книга есть в читинских библиотеках. Из обсуждения было видно, как интересна для детей тема театра, закулисы. Многие захотели заниматься в драмкружках, детских театральных студиях.

Спасибо огромное Вам и всем создателям этого прекрасного журнала, за то, что дарите детям частичку тепла, знакомите с прекрасными писателями, поэтами. Печатаете детские стихи. Желаю Вашему журналу долгих лет, процветания и увеличения тиража, что избавит многих родителей от головной боли — где купить, чтобы не бегать по библиотекам, а просто снять дома в любой момент с книжной полки.

Валентина Васильева, Гатчина



Дорогая редакция!

Хочу рассказать Вам, как я познакомилась с Вашим журналом «Детская Роман-газета», который читает вся наша семья. Журнал стал для меня и моих детей открытием.

Спасибо Вам огромное за то, что Вы печатаете такие прекрасные произведения! Желаю Вашему журналу долголетия, процветания, любви к нему благодарного читателя, а это уж точно имеет место быть. Мои девчонки с нетерпением ждут выхода следующего номера, те, что нашли в библиотеке, уже прочитали. И ещё очень хочется, чтобы была возможность купить его. А как я понимаю, тираж этого не позволяет.

С уважением, Наталья, г. Абакан, Хакасия



Здравствуй, дорогой журнал «Детская Роман-газета»! Меня зовут Вася Смирнов. Я учусь в 3 «Б» классе Нижнепавловской средней школы Оренбургской области.

У нас дружная семья: папа, мама, я, мой братик Ванюша. А ещё у нас есть собака Бим и кот Марсик. Вообще-то его вначале назвали Барсиком, но я был маленьким и не выговаривал букву «Б». Получалось вместо «Барсик» «Марсик», так и стали его называть.

Мне очень нравится читать ваш журнал, а ещё я люблю сочинять стихи, вот некоторые из них.

Рассвет

Наступило утро, красота вокруг.
Шепчут мне листочки: «Не шуми, наш друг,
Посмотри-ка лучше, как солнышко встаёт,
А вон туман над Донгузом плывёт.
Научись земную видеть красоту,
Сохрани в сердечке любовь и доброту».

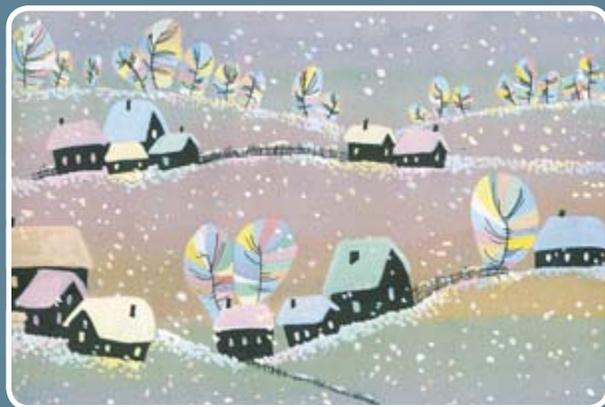
Яблочный пирог

Я сегодня испеку яблочный пирог,
Приглашу друзей на чаепитие,
Будет угощенье в срок.
Раскатаю тесто потоньше,
Начинки — побольше,
Корицы для аромата —
Жду вас, ребята!

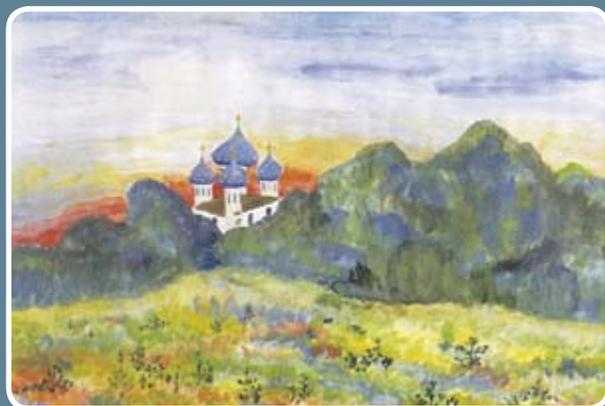
Мой брат

Мой маленький брат —
Самый лучший на свете!
Он любит смеяться, играть, как все дети.
Я его научу кататься на велосипеде.
Вот такой у нас Ванюшка,
Вечером ему на ушко
Песенку спою: «Баюшки-баю».

РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ «ЖАР-ПТИЦА»



Кузнецова Анжела, 15 лет. *Белый снег, пушистый...* г. Магнитогорск



Кириченко Миша, 11 лет. *Где издали блестит на белой колокольне...* г. Харьков



Богуцкая Даша, 12 лет. *Теперь у вас зима...* г. Серпухов

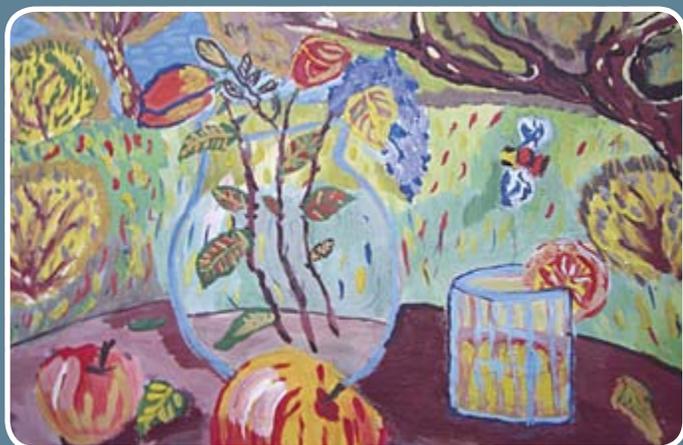


Коновалова Полина, 10 лет. *Этот дождик с сонмом стрел...* пос. Мещерино-1

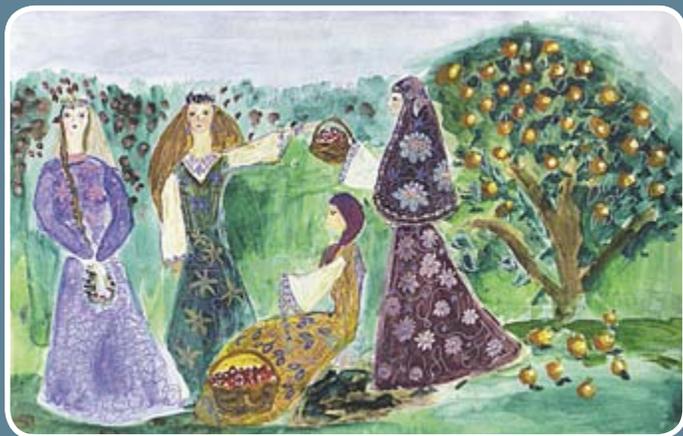
Наш ВЕРНИСАЖ



Чанин Миша, 12 лет. *Листья падают. // Лисья падают.* г. Северск



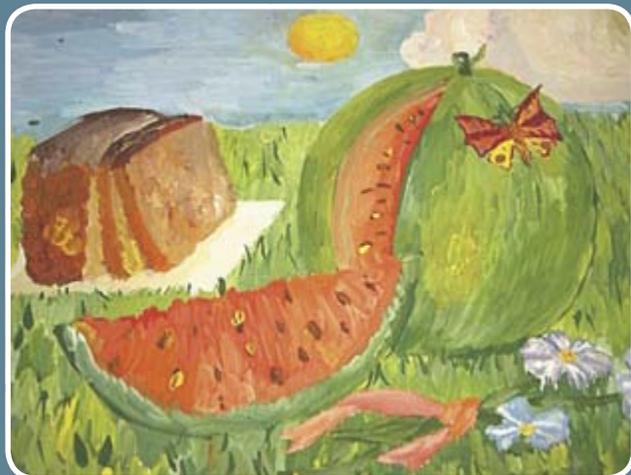
Соломатин Витя, 12 лет. *Цветы осенние милей...* г. Волгоград



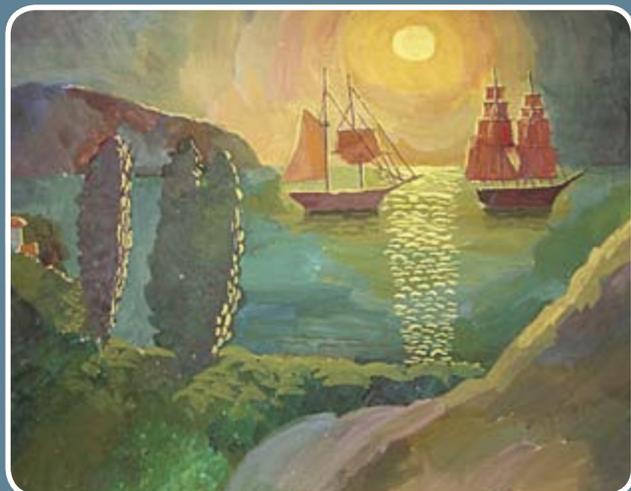
Межнева Алена, 12 лет. *Девы-красавицы, душеньки-подруженьки...* г. Ивантеевка



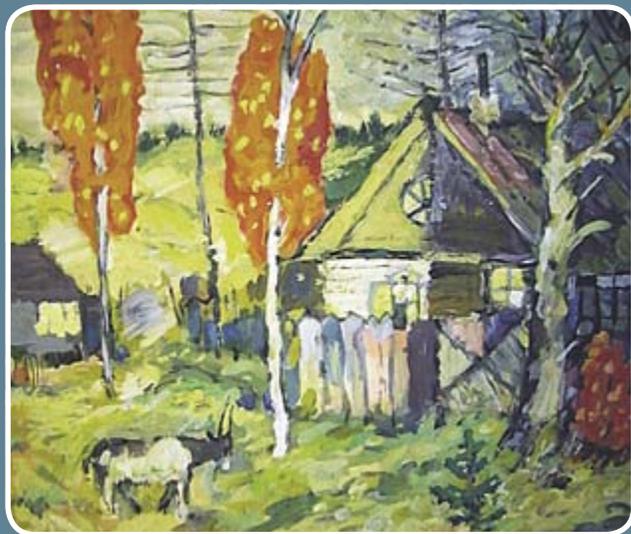
Петрова Александра, 14 лет. *Есть в светлости осенних вечеров // Умильная, таинственная прелесть...* г. Москва



Носова Виктория, 14 лет. *Лето красное.* г. Волгоград



Константинов Владислав, 11 лет. *Из края в край под золотой луной...* г. Харьков



Левин Марк, 13 лет. *Лустеет воздух, птиц не слышно боле // Но далеко ещё до первых зимних бурь...* г. Мытищи



Ашипки

Чествуя Рублёва, люди чествуют целую живописную школу, существовавшую на Руси с конца XIV до середины XV века.



А. Рублёв. Троица. Деталь



РАССКАЗЫ:
По примеру деда



Муравьишка



ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Достижения цивилизации